ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН

ПРОЩАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

1796

Литературный перевод на русский язык

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН

ПРОЩАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

1796

Литературный перевод на русский язык

Свобода. Союз. Конституция.
Предостережение против партийных фракций.

Книжное оформление подготовлено по загруженному PDF-файлу.

Прощальное обращение

Джорджа Вашингтона

Друзья и сограждане!

Время нового избрания гражданина, которому предстоит управлять исполнительной властью Соединённых Штатов, уже недалеко; более того, настал сам момент, когда ваши мысли должны быть обращены к выбору человека, которому будет вверено это важное доверие. Поэтому мне кажется уместным — особенно потому, что это может способствовать более ясному выражению общественной воли, — ныне уведомить вас о решении, которое я принял: не быть более рассматриваемым в числе тех, из кого должен быть сделан выбор.

В то же время прошу вас отдать мне должное и поверить, что это решение принято не без самого строгого внимания ко всем соображениям, вытекающим из связи, которая соединяет преданного гражданина с его страной. Отзывая предложение служения, которое моё молчание в нынешнем положении могло бы подразумевать, я руководствуюсь не ослаблением ревности к вашим будущим интересам и не недостатком благодарного уважения к вашей прежней доброте, но твёрдым убеждением, что этот шаг совместим и с тем и с другим.

Принятие должности, к которой ваши голоса дважды призывали меня, и пребывание в ней до настоящего времени были постоянной жертвой личного склонения перед сознанием долга и уважением к тому, что казалось мне вашим желанием. Я неизменно надеялся, что гораздо раньше смогу, не изменяя побуждениям, которыми не имел права пренебречь, возвратиться к тому уединению, из которого был неохотно извлечён. Сила этого стремления, ещё до последних выборов, даже побудила меня подготовить обращение, в котором я намеревался объявить вам о своём решении. Но тогда сложное и критическое состояние наших отношений с иностранными державами, а также единодушный совет людей, достойных моего доверия, заставили меня отказаться от этой мысли.

Я радуюсь тому, что состояние ваших дел, как внешних, так и внутренних, более не делает следование моему склонению несовместимым с чувством долга или приличия. И я убеждён: какую бы частичную благосклонность ни сохраняли ко мне, в нынешних обстоятельствах нашей страны вы не осудите моего решения удалиться от дел.

Чувства, с которыми я впервые принял это тяжкое доверие, были объяснены в надлежащее время. Исполняя его, скажу только, что с добрыми намерениями я внёс свой посильный вклад в устройство и управление правительством; в остальном же всякий недостаток способностей исправлялся заботливостью и усердием. Не лишённый с самого начала недоверия к собственным силам, я с

течением времени всё яснее ощущал основания для этого недоверия. С каждым днём возрастала тяжесть лет, всё настойчивее напоминая мне, что покой столь же необходим мне,

сколь и желанен. Удовлетворённый тем, что, если какие-либо обстоятельства придавали моим услугам особую ценность, они были лишь временными, я утешаюсь мыслью: в то время как выбор и благоразумие призывают меня покинуть политическую сцену, патриотизм этого не запрещает.

Ожидая момента, который должен завершить путь моей общественной жизни, я не могу удержаться от глубокого признания долга благодарности перед моей возлюбленной страной — за многие оказанные мне почести; ещё более за твёрдое доверие, которым она поддерживала меня; и за возможности проявить неизменную привязанность, оказав посильные услуги с верностью и усердием, пусть и с успехом, несоразмерным моему рвению. Если из моих услуг произросла какая-либо польза для нашей страны, пусть она всегда вспоминает, что в обстоятельствах, которые могли смутить всякое человеческое расчётывание, эта польза была возможна благодаря постоянной поддержке, которую вы оказывали моим усилиям, — поддержке, служившей для меня источником мужества и, как я надеюсь, надолго останется залогом взаимной привязанности. Влекомый ею, я унесу с собой в отставку самое дорогое воспоминание о вашей любви и горячие пожелания, чтобы Небо не переставало даровать вам лучшие знаки своего благоволения; чтобы ваш союз и братская

привязанность были вечны; чтобы свободная Конституция, созданная вашими руками, свято сохранялась; чтобы её управление во всех ведомствах отличалось мудростью и добродетелью; чтобы счастье народа этих штатов под покровом свободы стало полным, а благодаря осторожному пользованию свободой — столь славным, чтобы вы заслужили уважение, восхищение и пример для каждого народа, который ещё остаётся чужд этим благам.

Здесь, быть может, мне следовало бы остановиться. Но забота о вашем благополучии, которая прекратится только вместе с моей жизнью, и тревога за опасности, естественно вытекающая из этой заботы, побуждают меня в такой момент предложить вашему торжественному размышлению и часто повторять вам некоторые мысли. Они кажутся мне исключительно важными для постоянного счастья вас как народа. Эти мысли будут предложены вам с тем большей свободой, что они исходят от человека, которого не связывает никакая личная заинтересованность; который не может иметь иной цели, кроме вашего блага; который, быть может, под влиянием возраста, наблюдений и опыта, вправе рассчитывать на некоторое внимание к своим советам. И хотя я не вправе надеяться, что они произведут желаемое впечатление, всё же не могу не высказать их.

Любовь к свободе столь тесно вплетена в каждую связь ваших сердец, что никакая моя рекомендация не нужна, чтобы укрепить или подтвердить эту привязанность.

Единство правительства, которое делает вас одним народом, также ныне дорого вам. И справедливо: оно является главной опорой здания вашей действительной независимости, поддержкой вашего внутреннего спокойствия, мира с внешним миром, вашей безопасности, вашего процветания и той самой свободы, которую вы так высоко цените. Но легко предвидеть, что из разных причин и с разных сторон будут приложены большие усилия, будут использованы многие ухищрения, чтобы ослабить в ваших умах убеждение в этой истине. Это та точка вашей политической крепости, против которой внутренние и внешние враги будут постоянно и деятельно

направлять свои батареи, пусть часто скрытно и коварно. Поэтому бесконечно важно, чтобы вы правильно оценивали громадную ценность вашего национального Союза для вашего общего и личного счастья; чтобы вы питали к нему сердечную, привычную и неизменную привязанность; чтобы думали и говорили о нём как о палладии вашей политической безопасности и благоденствия; чтобы ревниво следили за его сохранением; чтобы осуждали всё, что может породить даже подозрение в возможности его оставления; и чтобы с негодованием отвергали первые попытки отчуждать какую-либо часть нашей страны от остальных или ослаблять священные узы, которые ныне соединяют её различные части.

К этому вас побуждают все мотивы сочувствия и интереса. Граждане общей страны — по рождению или

по выбору, — вы вправе сосредоточить на ней свои привязанности. Имя американца, которое принадлежит вам как национальное имя, всегда должно возвышать справедливую гордость патриотизма выше всяких местных различий. С малыми оттенками у вас одна религия, одни нравы, одни обычаи и одни политические принципы. Вы вместе сражались и вместе победили в общем деле; независимость и свобода, которыми вы обладаете, являются плодом совместных советов, совместных усилий, общих опасностей, страданий и успехов.

Но эти соображения, как бы сильно они ни действовали на чувство, ещё более уступают тем, которые непосредственно касаются вашего интереса. Каждая часть нашей страны находит здесь самые веские и очевидные побуждения бережно охранять и сохранять Союз в целом.

Север, пользуясь свободным общением с Югом под защитой равных законов общего правительства, находит в произведениях Юга новые великие средства для морских и торговых предприятий и для производства. Юг, в том же общении, пользуясь деятельностью Севера, расширяет своё земледелие и свою торговлю. Восток, подобным образом соединённый с Западом, находит в прогрессирующем заселении внутренних областей новые рынки для мореплавания, торговли и промышленности. Запад получает от Востока и укрепляет через него безопасные и необходимые пути вывоза своих продуктов; а через общую силу Союза пользуется теми преимуществами, которых иначе с трудом достиг бы и

с ещё большим трудом удержал. Итак, каждая часть страны, чувствуя непосредственную и особую выгоду от Союза, в то же время все части, соединённые вместе, неизбежно находят в совокупности средств и усилий большую силу, большие ресурсы, несравненно меньшую опасность извне, меньшее число поводов к войнам с иностранными державами и, что имеет немалое значение, освобождение от тех столкновений между собой, которые столь часто поражают соседние государства, не связанные одним правительством, и которые могли бы быть усилены соперничеством иностранных союзов, привязанностей и интриг. Тем самым они избегнут необходимости чрезмерно больших военных учреждений, которые при всякой форме правления враждебны свободе, а при республиканской должны считаться особенно опасными. В этом смысле ваш Союз должен рассматриваться как главная опора вашей свободы, а любовь к одному должна побуждать вас беречь другое.

Эти соображения говорят убедительным языком ко всякому размышляющему и добродетельному уму и представляют сохранение Союза как первейший предмет патриотического желания. Может ли быть сомнение в том, способно ли общее

правительство охватить столь большую область? Пусть опыт решит этот вопрос. Прислушиваться в таком деле к одним рассуждениям было бы преступно. Мы вправе надеяться, что правильная организация всей системы и вспомогательных частей даст счастливый ответ. Стоит вспомнить, что для надлежащего управления вашими общими

интересами правительство должно иметь столько силы, сколько необходимо для исполнения возложенных на него задач; что это правительство, свободное от иных ограничений, кроме уважения к общественному благу и к воле народа, обладает совершенным правом изменять распределение своих полномочий; и что в вопросе столь огромной важности только время и привычка могут закрепить истинное мнение о его реальной способности обеспечивать ваше счастье.

Размышляя о причинах, которые могут потревожить наш Союз, я с серьёзной тревогой замечаю, что уже появились основания характеризовать партии по географическим различиям: северные и южные, атлантические и западные. Искусные люди могут использовать это, чтобы внушить убеждение, будто местные интересы и взгляды действительно различны. Один из приёмов партий — приобретать влияние в отдельных округах, искажая мнения и цели других округов. Вы не можете слишком осторожно относиться к ревности и раздражению, возникающим из подобных неверных представлений. Они делают людей чужими друг другу, вместо того чтобы соединять их братской привязанностью. Жители западных областей недавно получили полезный урок: в переговорах об их свободном доступе к Миссисипи они увидели решающую важность Союза и необходимость сохранять общую власть, способную говорить от имени всех. Пусть же они помнят: никакая часть Союза не может быть в безопасности и процветании без остальных.

Для действенности и долговечности вашего Союза необходимо правительство для целого. Никакой, даже самый строгий союз между частями не может быть надлежащей заменой: он неизбежно столкнётся с нарушениями и помехами, которым подвергались все подобные союзы во все времена. Сознавая эту важную истину, вы сделали шаг вперёд от первого опыта, приняв Конституцию правительства, более подходящую для общего блага. Она была принята вами мирно, после полного и свободного исследования, в силу принципов и с полномочиями, которые были полностью в ваших руках. Она не только по своему характеру способна достигнуть поставленных целей, но и содержит в себе способы собственного изменения. Она имеет справедливое право на ваше доверие и поддержку. Уважение к её власти, исполнение её законов, согласие с её мерами — обязанности, предписанные основным началом истинной свободы. Основа наших политических систем есть право народа создавать и изменять свои конституции правительства. Но Конституция, существующая до тех пор, пока она не будет изменена явным и подлинным актом всего народа, священно обязательна для всех. Само представление о власти и праве народа устанавливать правительство предполагает обязанность каждого отдельного человека повиноваться установленному правительству.

Всякие препятствия исполнению законов, всякие союзы и общества, под каким бы благовидным именем они ни выступали, если их действительная цель — направлять, контролировать, противодействовать или запугивать регулярное обсуждение и действие

установленных властей, разрушительны для этого основного принципа и имеют роковую направленность. Они служат организации фракции, придают ей искусственную и чрезвычайную силу; ставят на место делегированной

воли нации волю партии — часто небольшой, но ловкой и предприимчивой меньшинственной группы; и, в зависимости от очередных побед разных партий, превращают государственное управление не в орган последовательных и здоровых планов, выработанных общими советами и изменённых взаимными интересами, а в зеркало плохо согласованных и несообразных проектов фракции.

Хотя подобные союзы или общества иногда могут отвечать популярным целям, с течением времени и вещей они, вероятно, станут мощными орудиями, с помощью которых хитрые, честолюбивые и беспринципные люди смогут подорвать власть народа и захватить для себя бразды правления, а затем уничтожить сами орудия, которые вознесли их к несправедливому господству.

Для сохранения вашего правительства и долговечности нынешнего счастливого состояния необходимо не только твёрдо отвергать неправильное сопротивление его признанной власти, но и осторожно противиться духу нововведений в его принципах, каким бы предлогом он ни прикрывался. Один из способов нападения может состоять в изменении Конституции так, чтобы ослабить энергию системы и тем самым подорвать то, что нельзя прямо свергнуть. Во всех изменениях, к которым вас могут

склонять, помните, что время и привычка не менее необходимы для утверждения истинного характера правительств, чем для других человеческих учреждений; что опыт — самый надёжный критерий действительной направленности существующего устройства; что возможность перемен по одним лишь гипотезам и мнениям подвергает опасности бесконечные изменения; и что особенно в стране столь обширной, как наша, для безопасности свободы нужно правительство, обладающее должной силой.

Я уже указывал вам на опасность партий в государстве, особенно когда они основываются на географических различиях. Теперь позвольте взглянуть шире и самым торжественным образом предостеречь вас против пагубных последствий партийного духа вообще.

Этот дух, к несчастью, неотделим от нашей природы: его корень лежит в сильнейших страстях человеческого ума. Он существует в разных формах при всех правительствах, иногда более подавленный, обузданный или стеснённый; но при народных формах правления он проявляется особенно широко и является их наихудшим врагом.

Попеременное господство одной фракции над другой, обострённое духом мести, естественным для партийной вражды, в разные века и страны совершавшее самые ужасные злодеяния, само по себе есть страшный деспотизм. Но в конце концов оно ведёт к ещё более формальному и постоянному деспотизму. Беспорядки и бедствия, из него возникающие, постепенно склоняют умы людей

искать безопасности и покоя во власти одного человека; и рано или поздно вождь какой-либо господствующей фракции, более способный или более удачливый, чем его соперники, обращает это настроение к собственному возвышению на развалинах общественной свободы.

Даже не заглядывая к такой крайности, которую всё же нельзя совсем упускать из вида, обычные и постоянные беды партийного духа достаточны, чтобы мудрый народ считал своим интересом и долгом удерживать и сдерживать его.

Он всегда отвлекает общественные советы и ослабляет государственное управление. Он волнует общество беспочвенной ревностью и ложными тревогами, разжигает вражду одной части против другой, время от времени возбуждает мятежи и восстания. Он открывает двери иностранному влиянию и подкупу, которые получают облегчённый доступ к самому правительству через каналы партийных страстей. Так политика и воля одной страны подчиняются политике и воле другой.

Существует мнение, что партии в свободных странах служат полезным сдерживанием администрации и поддерживают дух свободы. В известных пределах это, вероятно, верно; и при монархических правительствах патриот может смотреть на партийность с некоторым снисхождением, если не с благосклонностью. Но при правительствах народного характера, при чисто выборных правительствах, дух партий не следует поощрять. Их естественной силы достаточно, чтобы

они существовали. А поскольку всегда есть опасность чрезмерности, общественное мнение должно направлять усилия к смягчению и успокоению этого духа. Он есть огонь, который нельзя погасить полностью, но который требует постоянного присмотра, чтобы он не вспыхнул пламенем, способным пожрать всё.

Важно также, чтобы привычки мышления в свободной стране внушали осторожность тем, кому доверено управление: они должны оставаться в пределах своих конституционных сфер и избегать посягательства одного ведомства на другое. Дух таких посягательств стремится сосредоточить полномочия всех ведомств в одном и тем самым, независимо от формы правления, создать настоящий деспотизм. Справедливая оценка человеческой любви к власти и склонности злоупотреблять ею достаточна, чтобы убедить нас в истинности этого положения. Необходимость взаимных сдержек в осуществлении политической власти, распределение и разделение её между различными хранителями, установление каждого из них как стража общественного блага против вторжений других — всё это доказано древними и новыми опытами; одни из них были в нашей стране, другие — в других государствах. Сохранение этих начал должно быть для нас не менее необходимым, чем их установление. Если, по мнению народа, распределение или изменение конституционных полномочий в чём-либо ошибочно, пусть оно исправляется тем способом поправки, который предусмотрен Конституцией. Но пусть не будет изменений через узурпацию: хотя в одном

случае это может оказаться орудием добра, оно является обычным оружием, которым разрушаются свободные правительства. Пример всегда перевесит по своей опасности всякую частную пользу, которую можно извлечь из такого способа.

Из всех расположений и привычек, ведущих к политическому процветанию, религия и нравственность являются необходимыми опорами. Напрасно претендовал бы на дань патриотизма тот, кто трудится над разрушением этих великих столпов человеческого счастья, этих крепчайших опор обязанностей людей и граждан. Человек благочестивый и человек нравственный должны уважать и беречь их. Целый том не смог бы перечислить все их связи с личным и общественным счастьем. Достаточно спросить: где будет безопасность собственности, репутации, самой жизни, если чувство религиозной обязанности покинет клятвы, которые являются орудием расследования в судах? И будем осторожны, допуская предположение, будто нравственность может сохраняться без религии. Как бы ни признавали влияние утончённого образования на умы особого склада, разум и опыт не позволяют

ожидать, что народная нравственность сможет существовать без религиозного начала.

По существу истинно, что добродетель или нравственность является необходимой пружиной народного правительства. Это правило, конечно, с большей или меньшей силой распространяется на всякий вид свободного правления. Кто, будучи искренним другом свободы, может равнодушно

смотреть на попытки потрясти основу всего строения?

Итак, содействуйте, как предмету первостепенной важности, учреждениям для общего распространения знаний. В той мере, в какой устройство правительства придаёт силу общественному мнению, необходимо, чтобы общественное мнение было просвещённым.

Как весьма важный источник силы и безопасности, берегите общественный кредит. Один из способов сохранять его — пользоваться им как можно умереннее, избегая поводов к расходам посредством миролюбия, но помня также, что своевременные расходы, нужные для подготовки к опасности, часто предотвращают гораздо большие издержки при её отражении. Следует избегать накопления долгов не только посредством отказа от ненужных расходов, но и посредством решительных усилий в мирное время погашать долги, к которым могли привести неизбежные войны, чтобы не перекладывать на потомство бремя, которое мы сами обязаны нести. Исполнение этих правил принадлежит вашим представителям, но для этого необходимо содействие общественного мнения. Чтобы облегчить им исполнение долга, важно помнить: для выплаты долгов должны быть доходы; чтобы иметь доходы, должны быть налоги; нет налога, который не был бы в той или иной мере неудобен и неприятен; внутреннее затруднение, неизбежно связанное с выбором правильных объектов налогообложения, всегда является решающим поводом к откровенной оценке действий правительства при выборе и к духу согласия в отношении мер, необходимых для получения дохода.

Соблюдайте добрую веру и справедливость по отношению ко всем народам; развивайте мир и согласие со всеми. Религия и нравственность предписывают такое поведение. Разве может быть, чтобы здравая политика предписывала иное? Достойно будет свободного, просвещённого и вскоре великого народа дать человечеству возвышенный и слишком новый пример народа, всегда руководимого высшей справедливостью и благожелательностью. Кто сомневается, что со временем и при соответствующем развитии такой путь вознаградит всякую временную выгоду, которая могла бы быть потеряна из-за твёрдого следования ему? Может ли Провидение не связать постоянное счастье народа с его добродетелью? Опыт, по крайней мере, показывает, что нация, пренебрегающая нравственными правилами, редко остаётся счастливой.

При осуществлении такого плана нет ничего важнее, чем исключить постоянные, укоренившиеся антипатии к одним народам и страстные привязанности к другим; вместо них должно взращиваться справедливое и дружелюбное чувство ко всем. Народ, питающий привычную ненависть или привычную любовь к другому народу, в известном смысле является рабом. Он раб своей враждебности или своей привязанности, и любая из них способна увести его от долга и интереса. Антипатия одного народа к другому облегчает оскорбления и обиды, цепляние к мелким

причинам раздора и высокомерие при незначительных поводах к столкновениям. Отсюда —

частые войны, ненужные и несправедливые. Более того, такая склонность иногда побуждает правительство жертвовать существенными интересами собственного народа без достаточного основания, из простой вражды к другому. Нередко она делает правительство орудием честолюбия, корысти или злобы отдельных граждан.

Точно так же страстная привязанность одного народа к другому производит множество зол. Сочувствие к любимой нации, облегчая иллюзию мнимого общего интереса там, где реального общего интереса нет, и заражая одну страну враждой другой, втягивает первую в ссоры и войны второй без достаточных оснований. Оно ведёт также к уступкам любимой нации преимуществ, в которых другим отказано; это способно навредить собственной стране, предоставляющей уступки, и вызвать ревность, злую волю и желание ответить у тех, кому отказано в равных преимуществах. Оно даёт честолюбивым, продажным или обманутым гражданам, привязанным к другой стране, возможность предавать или жертвовать интересами своей страны без всякой ненависти к ней, иногда даже при внешнем виде чувства долга, похвальной уступчивости общественному мнению или горячего стремления к общественному благу.

Как пути для иностранного влияния во множестве форм, такие привязанности особенно опасны для истинно просвещённого и независимого патриота. Сколько возможностей они дают, чтобы воздействовать на внутренние фракции, заниматься

искусством соблазна, вводить общественное мнение в заблуждение, влиять на государственные советы или запугивать их! Такая привязанность малой или слабой страны к большой и сильной обречена превратить первую в спутника второй.

Против коварных уловок иностранного влияния — заклинаю вас верить мне, сограждане, — ревность свободного народа должна быть постоянно бодрствующей, ибо история и опыт доказывают, что иностранное влияние является одним из самых губительных врагов республиканского правления. Но чтобы эта ревность была полезной, она должна быть беспристрастной, иначе она сама становится орудием того влияния, которого должна избегать, а не защитой от него. Чрезмерная пристрастность к одной чужой нации и чрезмерная неприязнь к другой заставляют тех, кем они владеют, видеть опасность только с одной стороны и служат прикрытием для искусства влияния с другой. Настоящие патриоты, противящиеся интригам любимой нации, могут стать подозреваемыми и ненавидимыми; тогда как её орудия и обманутые последователи присваивают себе аплодисменты и доверие народа, чтобы предать его интересы.

Великим правилом нашего поведения по отношению к иностранным народам должно быть расширение торговых отношений при как можно меньшей политической связи. Насколько мы уже заключили обязательства, будем исполнять их с совершенной добросовестностью. Но на этом и остановимся.

Наше отдельное и удалённое положение приглашает и позволяет нам идти иным путём. Если мы останемся одним народом под действенным правительством, недалёк час, когда мы сможем не бояться существенного вреда от внешних неприятностей; когда сможем занять такое положение, что нейтралитет, который мы в любое время решим соблюдать, будет уважаться; когда воюющие державы, не находя для себя

выгоды в покушении на нас, не станут легко подвергать себя риску спровоцировать нас; когда мы сможем выбирать мир или войну, руководствуясь справедливостью и собственным интересом.

Зачем отказываться от преимуществ столь особого положения? Зачем покидать свою почву, чтобы стоять на чужой? Зачем, переплетая нашу судьбу с судьбой какой-либо части Европы, запутывать наш мир и процветание в сетях европейского честолюбия, соперничества, интересов, настроений или капризов?

Наша истинная политика состоит в том, чтобы держаться в стороне от постоянных союзов с какой-либо частью внешнего мира, насколько, разумеется, мы свободны это делать. Пусть меня не поймут так, будто я способен поддерживать неверность существующим обязательствам. Я считаю честность всегда лучшей политикой, как в общественных, так и в частных делах. Поэтому повторяю: уже существующие обязательства должны соблюдаться в их подлинном смысле. Но, по моему мнению, нет необходимости их расширять. Заботясь о том, чтобы всегда содержать себя, при надлежащих

учреждениях, в достойном оборонительном состоянии, мы можем безопасно доверять временным союзам в чрезвычайных обстоятельствах.

Согласие и свободное общение со всеми народами рекомендуются политикой, человечностью и интересом. Но даже наша торговая политика должна держать равную и беспристрастную руку: не искать и не предоставлять исключительных благ или предпочтений; советоваться с естественным ходом вещей; распределять и разнообразить торговые потоки мягкими средствами, не принуждая ничего; заключать такие договоры торговли, какие допускают обстоятельства, но лишь временные, чтобы они могли быть прекращены или изменены по опыту. Постоянно надо иметь в виду, что ни один народ не должен связывать свои руки слишком далеко и что истинная политика должна удерживать нас от постоянной привязанности к любому иностранному государству.

Предлагая вам, мои соотечественники, эти советы старого и любящего друга, я не смею надеяться, что они произведут то сильное и длительное впечатление, какого я желал бы; что они остановят обычный поток страстей или помешают нашей нации идти путём, который уже определял судьбы других народов. Но если они смогут принести хотя бы частичную пользу, если иногда они помогут умерить ярость партийного духа, предупредить вред иностранного вмешательства или сохранить от бед ложного патриотизма, тогда эта надежда будет полной наградой за заботу о вашем благополучии, которой они продиктованы.

Насколько в исполнении моих официальных обязанностей я руководствовался изложенными принципами, об этом перед вами и перед миром должны свидетельствовать государственные акты и другие доказательства моего поведения. Для самого себя главным утешением является сознание, что я, по крайней мере, верил в эти принципы и старался им следовать.

Что касается продолжающейся войны в Европе, моё воззвание от двадцать второго апреля 1793 года служит указателем моего плана. Одобренное вашим голосом и голосом ваших представителей в обеих палатах Конгресса, этот план неизменно проводился мною, насколько это зависело от меня, без иных исключений, кроме вызванных обстоятельствами.

После внимательного рассмотрения, с помощью лучших сведений, какие я мог получить, я был вполне убеждён, что наша страна при всех обстоятельствах дела имела право занять нейтральное положение и была обязана — по долгу и по интересу — занять его.

Соображения, относящиеся к праву держаться такого поведения, нет необходимости здесь подробно излагать. Замечу лишь, что, насколько я понимаю этот вопрос, это право, вместо того чтобы быть отвергнутым какой-либо воюющей державой, фактически признано всеми.

Обязанность сохранять нейтральное поведение может быть выведена уже из обязательства, которое справедливость и человечность возлагают на всякую нацию, когда она свободна действовать: сохранять

неприкосновенными отношения мира и дружбы с другими народами.

Побуждения интереса к соблюдению такого поведения лучше всего оставить вашим собственным размышлениям и опыту. Для меня преобладающим мотивом было стремление выиграть время для нашей страны, чтобы она могла устроить и укрепить свои ещё новые учреждения и без помех продвинуться к той степени силы и устойчивости, которая необходима, чтобы распоряжаться собственной судьбой.

Хотя, оглядывая события моего управления, я не сознаю за собой намеренной ошибки, всё же я слишком чувствую свои недостатки, чтобы не считать вероятным, что допустил множество ошибок. Каковы бы они ни были, я горячо молю Всемогущего отвратить или смягчить зло, к которому они могли привести. Я также унесу с собой надежду, что моя страна никогда не перестанет смотреть на них снисходительно; и что после сорока пяти лет моей жизни, посвящённых служению ей с искренним усердием, ошибки недостаточных способностей будут преданы забвению, как и сам я вскоре должен буду отойти в обитель покоя.

Полагаясь на её доброту в этом, как и в прочем, и движимый той горячей любовью к ней, которая столь естественна для человека, видящего в ней родную землю свою и своих предков на протяжении нескольких поколений, я с приятным ожиданием предвижу то уединение, в котором надеюсь без примеси наслаждаться сладостью участия, среди моих

сограждан, в благотворном влиянии добрых законов при свободном правительстве — неизменно любимом предмете моего сердца и счастливой награде, как я надеюсь, наших общих забот, трудов и опасностей.

Джордж Вашингтон.